

создание качественно нового социального пространства. В силу имманентно присущей ему динамичности, субъектность предполагает постоянное нахождение индивида в процессе эффективной адаптации себя к требовательному социуму, одновременно тем самым конструируя его и реализуя собственный потенциал.

*Доктор философских наук, профессор,
заведующий кафедрой истории философии
Пермского государственного университета
В. Н. Железняк
Пермь*

ТОЛЕРАНТНОСТЬ КАК ПРОБЛЕМА СОЦИАЛЬНОЙ МЕТАФИЗИКИ

1. Априорный статус социально-политических гештальтов. История европейской метафизики восходит к «Метафизике» Аристотеля. Аналогично этому и историю социальной метафизики вполне уместно возводить к «Политике» Аристотеля (и платоновскому «Государству», критическим вариантом которого она является). Метафизика как способ мышления имеет свою природу – это учение о первопринципах, первоначалах, первопричинах. Первоначала государственной жизни в европейской традиции всегда осмыслялись конструктивно, последовательно и логично. Рассудительная природа грека (и европейца вообще) наиболее явно воплощается в форме великих политических трактатов, образующих единую историческую последовательность, пронизанную поразительной преемственностью и единством – от «Государства» Платона до «Государства и революции» Ленина.

В самом деле, политические *рассуждения* на западно-европейской культурно-исторической почве «естественным» образом демонстрируют жесткую, почти дедуктивную логику изложения: государство не может возникнуть на основе частной жизни одного или нескольких индивидов; социальная жизнь неизбежно разыгрывается не как существование, а как сосуществование индивидов; государство а priori предполагает наличие народонаселения; государство а priori не может существовать, если в нем отсутствуют земледельцы, ремес-

ленники и весь прочий, вполне априорно определяемый, набор профессий и сословий. Наиболее явственно этот аксиоматизм выражен в политическом мышлении нового времени. С математической необходимостью люди должны отчуждать часть своей воли в пользу властной воли государства и т. д. Насколько такие дедукции независимы от исторического опыта – вопрос спорный. Но политическое теоретизирование, как правило, реконструирует историческую действительность в виде жесткой априорной конструкции.

Исходя из этих соображений, мы можем сделать первый вывод: если толерантность рассматривается как первопричина социального бытия (т. е. как метафизический принцип, данный нашему уму вне и независимо от какой то бы ни было реальности), то она должна быть вписана в априорную логику традиционного социального мышления, например, так: стихия социума – сосуществование людей; отсюда с заведомой необходимостью следует, что индивиды должны быть терпимы друг к другу, иначе социум уничтожит сам себя.

2. Способы реализации социальной идеи: трансцендентальный идеализм социальных утопий. Конечно, при конструировании государственной машины явно используется конкретный исторический материал (считается, например, что Аристотель, в отличие от Платона, учитывал эмпирические формы государств своего времени). Однако подлинное величие и красота традиционных социальных доктрин воплощены в их трансцендентальной чистоте. Аксиоматическая дедуктивность социального мышления обусловлена тем, что государство мыслится как реализация вечной и неизменной идеи справедливости. Идея справедливости – как особая модификация красоты и блага – и есть абсолютный метафизический источник социального устройства человеческой жизни. Поэтому только в гражданских институтах может быть воплощена калокагатическая полнота бытия. И в это верила не только античность.

Идея справедливости может быть воплощена в идеальном сословии, на котором зиждется государство. Это наиболее суровое решение, присутствующее во всех жестких социальных утопиях. Таковы платоновские стражи, которые сторожат не только и не столько границы государства, сколько

государственную идею, в них воплощенную. Платоновские стражи – плод потрясающей логической дедукции. Во все последующие времена никто не отважится на выведение столь чистой породы социальных гомункулусов в столь стерильных лабораторных условиях. В то же время именно в платоновских стражах – разгадка всех социальных утопий последующих эпох. В идеальных гражданах воплощена полнота мусического воспитания; они способны на потрясающую толерантность внутри своей корпорации и вне ее. Но они столь же способны и на чудовищный всплеск «яростного духа», если он необходим для защиты чистоты идеи. Получается, что чем ярче и метафизически чище идея справедливости, тем жестче она структурирует социальную действительность, не оставляя никакого места для сознательной терпимости в отношениях эмпирических индивидов.

Итак, чисто метафизическая дедукция принципа толерантности логически возможна, но ценностно не оправдана. Она логически возможна и ценностно санкционирована только в случае критического обращения традиционной социальной метафизики, то есть такого подхода, когда *конечный смертный индивид*, а не *метафизический принцип* во всей его спекулятивной чистоте, становится исходным пунктом социальной теории.

3. Критическая установка в социологии. Социальная жизнь антиномична по самой своей природе: в ней человек противостоит обществу, общество противостоит государству, исполнительные государственные институты противостоят законодательным и т. д. Социум по самой природе вещей должен быть ареной согласования человеческих интересов. Но полное согласование интересов невозможно без превращения социальной жизни в тоталитарный молох. Личность несет в себе общественную норму и в то же время личность осуществляет перманентное сопротивление диктату всеобщих форм.

Критическая установка (в любой исторической модификации) не борется с антиномиями. В свое время критическая гносеология, дедуцируя фундаментальные антиномии бытия, всегда пыталась осуществить их методологическую адаптацию, а не бороться с ними путем спекулятивно-диалектического снятия. Точно так же и критическая установка в социологии пы-

тается осознать, описать и ценностно адаптировать априорно дедуцируемые антиномии, а не бороться с ними. Например, методологическую адаптацию антиномии вещи и идеи мы, как известно, находим у Аристотеля. Соответственно этому в «Политике» Аристотеля формула справедливости гласит: «Равному – равное, а неравному – не равное». Дело не решается ни в пользу равенства, ни в пользу неравенства. А идеальный гражданин – идеален в том смысле, что в состоянии периодически управлять и периодически подчиняться. Только такой «регулятивный» розыгрыш фундаментальных антиномий социальной жизни приводит к открытию великого принципа гражданской жизни: управлять должны не люди, а законы.

Общественный договор Руссо, продолжим наши примеры, прямо противоположен социальной метафизике Гоббса. Договор индивида с государством заключается не по поводу отчуждения личной воли, а по поводу гарантий свободы и гражданского суверенитета, то есть как раз по поводу личного гражданского статуса. Можно предположить поэтому, что в свете последовательной критической установки толерантность должна быть осознана не в виде конкретного воплощения принципа, идеи справедливости или какой-либо иной абсолютной метафизической первосущности, а как сугубо регулятивный принцип разрешения жизненных и теоретических антиномий. Метафизическая логика здесь такова: мы должны быть терпимы, поскольку фундаментальные антиномии нашего социального бытия неустранимы ни теоретически, ни практически. Устранимы они лишь в нашей бесконечной ценностной установке, лишь в бесконечной перспективе нашего реального социального бытия. Толерантность, в этом смысле, не должна пониматься как ходячая добродетель мещански благополучного прозябания. Современная критическая установка по самому своему существу трагична. Эти соображения очень важны для нюансировки финального определения понятия толерантности.

4. «Дедукция» принципа толерантности. Как и в случае дедукции принципов критической гносеологии, «дедукция» принципа толерантности, конечно, не предполагает выведение принципа толерантности из более общего принципа, из некоей первичной аксиомы. Речь должна идти о сумме условий, при которых данный принцип только и может быть мыс-

лим. Попыткой такой «дедукции» может являться приведенный выше исторический анализ, из которого можно сделать следующие выводы:

1. Принцип толерантности должен обнаруживать свою эйдетическую природу, свое родство с идеями справедливости и высшего блага (свою калокагатическую полноту), должен восходить к фундаментальным антиномиям нравственной метафизики.

2. Принцип толерантности должен вычитываться из наличных социально-политических структур. В этом смысле можно и нужно говорить о толерантном государстве, толерантной системе образования, толерантном праве и даже о толерантной медицине.

3. Принцип толерантности не должен играть роль полицейской нормы и предписывать человеку некий кодифицированный тип поведения, совершенно игнорируя экзистенциальную размерность его собственного жизненного мира.

4. Индивиды могут быть толерантны друг к другу лишь постольку, поскольку взаимно признают свой суверенитет, т. е. поскольку они связаны условиями социального договора, постоянно воспроизводящимися в их поведении.

5. Но, с другой стороны, толерантность индивидов по отношению друг к другу есть следствие постоянного нарушения социального контракта, который они должны заключать между собой вновь и вновь. Индивиды вынуждены находиться на грани непрерывной социальной адаптации и непрерывного экзистенциального бунта.

6. Толерантность в этом смысле есть «простой» эффект открытости человека миру, эффект уравниности сущего перед лицом бытия («Mitsein»). Толерантность есть терпимость; терпимость предполагает терпение, терпение – стойкость по отношению к нашей жизненной драме и сострадание к жизненной драме другого. Ведь социум есть по отношению к индивиду – нечто такое, что необходимо вынести и перенести, вытерпеть и претерпеть, к чему следует проявить стойкость и стоическую отстраненность. Актуальная нюансировка принципа толерантности снимает с него налет заурядной добродетели и открывает в нем нечто роковое – общность человеческой судьбы.